

Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны

Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941 - 1945 гг.). - Новосибирск: Наука-Центр, 2004. С. 260 - 290.

История карательных органов СССР продолжает оставаться малоизученной. Историография данной темы до сих пор в огромной степени представлена ведомственными писаниями, насаждающими мифологическую точку зрения на историю репрессивной машины. Статей независимых историков о деятельности новосибирских чекистов очень немного. [1](#)

Настоящий очерк деятельности управления НКВД по Новосибирской области охватывает период, в котором произошли две перестройки деятельности карательных органов. Первая произошла после короткой растерянности в 1939 г., когда новосибирские чекисты занимались пересмотром ряда наиболее явно фальсифицированных следственных дел, избавлялись от одиозных деятелей «Большого террора» и сравнительно мало заводили новых дел. Вторая относится к первым месяцам после начала войны, когда репрессии, вновь достигшие в 1940 г. высокого уровня, ещё более усилились и обрушились на те же категории лиц, которые атаковались в 1937 - 1938 гг. Предметом рассмотрения являются также основная деятельность управления, заключающаяся в выявлении, разоблачении и наказании «врагов народа», кадры и структура управления НКВД в 1939 - 1941 гг., репрессии среди самих чекистов.

После ареста в январе 1939 г. начальника УНКВД И. А. Мальцева в течение ближайших недель и месяцев были уволены его заместитель А. С. Ровинский, начальник секретно-политического отдела (СПО) К. К. Пастаногов, начальник 2-го экономотдела Н. Х. Мелехин, начальник 3-го экономотдела Е. Ф. Дымнов, начальник водного отдела А. В. Баталин, начальник отдела кадров Н. С. Кравчинский, особоуполномоченный М. А. Иванов. Также были уволены многие начальники райотделов и рядовые оперработники из числа «перестаравшихся» в годы террора.

Это было общей тенденцией: по всей стране с конца 1938 г. арестовывались бывшие начальники управлений и их заместители. Только в 1939 г. из НКВД СССР по компрометирующим материалам была уволена четверть оперативных

работников. Однако наказание виновных в необоснованных репрессиях не способствовало «облагораживанию» методов работы советской политической полиции, ибо сама политика эпохи террора не ставилась под сомнение. Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Г. А. Борков разъяснял работникам управления новую генеральную линию: «Разоблачительная работа, выкорчёвывание вражеских остатков должна продолжаться ещё более напряжённо, с ещё более нарастающими темпами, но должна продолжаться иными методами, методами, которые записаны в Сталинской Конституции». Касаясь «методов», Борков позднее, в апреле 1939 г., дал - в полном соответствии с духом и буквой известной сталинской телеграммы от 10 января 1939 г. о допустимости пыток - следующую установку чекистам: «Что за псевдоморализм, когда иностранные разведки к нашим братьям применяют пытки, издевательства, а мы - должны быть гуманны? Надо знать, к кому применять репрессии и как их применять...» [2](#)

Чекисты понимали, что в их среде власти обнаружили «головокружение от успехов», и были напуганы неопределённостью своего положения. В условиях полной зависимости от начальства работники построенной по военной схеме чекистской машины покорно ждали, кто будет объявлен врагом, сознательно дискредитировавшим советскую власть, кто - честно заблуждавшимся «перегибщиком», а кто - слепым орудием вышестоящих руководителей. Чистка от скомпрометировавших себя работников проходила по классическим чекистским канонам: в первую голову увольняли тех, на кого были, помимо нарушений законности, материалы о неподходящем социальном и национальном происхождении, связях с «врагами народа», халатности, пьянстве, «морально-бытовом разложении» и т. д. «Эффективных следователей» начальство берегло и старалось не отдавать в руки правосудия. Основным наказанием становились административные взыскания от начальника управления НКВД. Очень популярным был символический арест на срок от 5 до 20 суток с исполнением служебных обязанностей.

Новый начальник УНКВД Г. И. Кудрявцев и его заместитель Ф. М. Медведев прибыли на свои должности с партийной работы, но не испытывали никаких комплексов по поводу методов «работы» с арестованными. Кудрявцев прекрасно знал, чем занимались его подчинённые раньше, но не собирался наказывать всех тех, в отношении кого военная прокуратура и аппарат особоуполномоченного самого управления НКВД вели расследование в связи с применением «несвойственных методов» следствия. В итоге власти наказали в судебном порядке довольно ограниченное количество лиц, причем высшую меру наказания получили только четверо.

Так, 31 октября 1940 г. в Новосибирске по приговору трибунала за фабрикацию дел, садистские расправы над приговорёнными к высшей мере и мародёрство были расстреляны начальник Куйбышевского оперсектора УНКВД Л. И. Лихачевский и его подчинённые И. Д. Малышев и С. К. Иванов. В августе 1940 г. Лихачевский показал военному суду следующее: «Осуждено к ВМН за 1937 - 1938 годы (по Куйбышевскому оперсектору - *А. Т.*) было ок. 2-х тысяч чел. У нас применялось два вида исполнения приговоров - расстрел и удушение... Всего удушили примерно 600 чел... Операции проводились таким путём: в одной комнате группа в 5 чел. связывала осуждённого, а затем заводили в др. комнату, где верёвкой душили. Всего уходило на каждого человека по одной минуте, не больше». Некоторые из палачей соревновались в умении убить осуждённого с одного удара ногой в пах. Казнимым забивали рот кляпом, причем у С. К. Иванова был специальный рожок, которым он раздирал рты, выворачивая зубы сопротивляющимся. Этот садист расхаживал во время «ликвидаций» в белом халате, за что его коллеги прозвали Иванова «врачом». [3](#) В 1941 г. был расстрелян и бывший начальник Томского горотдела НКВД И. В. Овчинников, уничтоживший тысячи томичей. Но начальник Мошковского РО НКВД С. И. Мельников, его подручные Ю. Д. Берман (младший брат начальника ГУЛАГа) и П. Т. Трубецкой, осуждённые за репрессии в декабре 1940 г. военным трибуналом войск НКВД Западно-Сибирского округа к высшей мере наказания, были помилованы военной коллегией Верховного Суда СССР и в 50-х годах все находились на свободе.

На групповых и одиночных процессах 1939 - 1940 гг. были осуждены чекисты из Кузбасса (А. Г. Луньков, А. И. Савкин, А. И. Белоусов, В. Д. Монтримович, Н. А. Белобородов), Томска (И. В. Овчинников, И. Н. Пучкин, А. А. Романов), Куйбышева (Л. И. Лихачевский, И. Д. Малышев, С. К. Иванов, Я. Н. Малий, С. П. Чепоргин), Асиновского района (А. С. Салов, К. Д. Дорохов), Мошковского района (С. И. Мельников, П. Т. Трубецкой, М. Я. Пупышев, Ю. Д. Берман), Туганского района (Я. Ф. Адуев), Шегарского района (Т. Ф. Бузунов, Песоцкий). Очень выборочно были привлечены к суду работники областного аппарата (начальник СПО К. К. Пастаногов, замначальника особого отдела В. Т. Егоров). Правда, следует учесть, что два начальника отделов УНКВД - А. В. Баталин и Н. Х. Мелехин - успели в 1939 г. застрелиться, не дожидаясь ареста. Открытым сделали только один процесс - над фальсификаторами «детского дела» из Ленинска-Кузнецкого Луньковым, Савкиным и Белоусовым, которые арестовали по 58-й ст. УК 14 подростков, придав детскому хулиганству политическую окраску.

Остальные уголовные процессы были засекречены, чтобы не дискредитировать власть. Многие десятки явных фальсификаторов получили партийные и административные взыскания, были понижены в должности, переведены в

систему лагерей либо уволены из НКВД и исключены из компартии. Например, П. И. Макаренко - бывший оперуполномоченный Барабинского РО УНКВД, принимавший активное участие в арестах, пыточном следствии и расстрелах - к 1940 г. дослужился до следователя следчасти УНКВД. В результате проверки его деятельности Макаренко сначала получил 3 июля 1940 г. выговор от УНКВД «за небрежно-халатное отношение к делу при расследовании и допущенные в отдельных случаях нарушения процессуальных норм», а 20 января 1941 г. «за грубое нарушение революционной законности и фальсификацию следственных дел в период операции 1938 года» был арестован на 15 суток с последующим переводом на работу вне УГБ. [4](#)

Многие местные органы НКВД были перед войной обследованы на предмет выявления нарушений законности, но, поскольку в преступной деятельности были активно задействованы весь оперсостав управления, а также фельдъегери, милиционеры, войсковики, пожарные инспекторы и начальники спецотделов предприятий, то наказания носили выборочный и достаточно мягкий характер. Характерно выглядит служебное расследование, проводившееся в 1940 г. по деятельности работников Прокопьевского горотдела НКВД. Были допрошены ведущие чекисты горотдела, осуществлявшие террор: заместитель начальника ГО НКВД И. М. Александров, а также М. К. Жуков, А. И. Иванченко, М. П. Капранов, И. И. Кокшаров. Все они отрицали участие в незаконном ведении следствия, признав только применение к арестованным длительных непрерывных допросов. Наказание прокопьевским чекистам было определено постановлением УНКВД от 21 сентября 1940 г. и выглядело предельно мягким: фальсификаторы отделались арестами на срок от 5 до 15 суток и продолжили службу в НКВД. [5](#)

Следователь аппарата особоуполномоченного УНКВД П. Д. Стародубцев по жалобе освобождённых руководителей Кыштовского района 4 сентября 1940 г. рассмотрел дело по обвинению в незаконных методах следствия бывшего начальника Кыштовского РО НКВД В. П. Бурцева, оперуполномоченных райотдела М. П. Семернева, Г. Е. Трущенко, А. П. Ястребова, начальника отделения СПО УНКВД И. Н. Хализова и прикомандированного к райотделу курсанта Новосибирской межкраевой школы НКВД Никонова. Чекисты, признавая, что «с арестованными работали усиленно, т. к. в тот период сами следователи в сутки отдыхали не больше 4-5 часов», отрицали применение физического воздействия. Поскольку курировавшие следствие начальник СПО К. К. Пастаногов и бывший начальник Куйбышевского оперсектора НКВД П. Р. Перминов были уже арестованы, а «особотягчайших обстоятельств» в деле не было (т. е. жалобщики остались в живых), Стародубцев постановил дело на всех шестерых обвиняемых прекратить. [6](#)

Работники оперативно-чекистского отдела Томасинлага НКВД также не менее стойко отрицали обвинения освобождённых из-под стражи лиц в незаконных методах следствия. В итоге уголовное преследование было, насколько известно, начато только против начальника оперчекотдела Г. Е. Флейшмана, а его заместитель и преемник И. Г. Стукачёв вместе с начальником отделения В. К. Гуро были оправданы и продолжили службу. Меры наказания своим сотрудникам определяло руководство УНКВД, не всегда соглашавшееся с предложениями об отдаче их под суд. Так, 17 июня 1941 г. следчасть УНКВД вынесла решение об аресте за бывшие нарушения законности начальника томской ИТК №3 О. Ю. Эденберга, который, работая оперативником КРО, истребил сотни латышей и эстонцев в 1937 - 1938 гг. Однако Эденберг не только остался на свободе, но через несколько месяцев был повышен, заняв должность заместителя начальника Новосибирского отделения УИТЛК. [7](#)

К началу 1941 г. была собрана критическая масса разоблачительных документов на начальника отдела контрразведки (КРО) Ф. Н. Иванова. Особая инспекция НКГБ СССР в апреле 1941 г. постановила немедленно арестовать Иванова заодно с тремя его приспешниками: бывшими начальниками отделений КРО А. М. Волковым, П. А. Черепановым и А. Н. Печенкиным. Одновременно было дано поручение разобраться с оперативниками А. М. Ломако, Л. П. Хапугиным, С. П. Чуйко и другими - «в зависимости от результатов следствия по данному делу». [8](#)

Необходимо отметить, что если в 1939 г. репрессивная деятельность управления НКВД сильно ослабла, то с осени 1940 г. фальсификации дел приняли массовый характер во всех оперативных отделах УНКВД, что вызвало протест ряда работников следственного отдела, вынужденных разбираться с «браком», предоставляемым оперативными службами, и одновременно противостоять фальсификаторам-коллегам, которые умело превращали «брак» в законченные дела и ходили в передовиках. Проверка из центра, предпринятая после «сигналов» в Москву ряда следователей, не ограничилась наказанием работников контрразведывательного и следственного отделов; за поощрение активной фабрикации дел были сняты с работы в апреле 1941 г. начальники управлений НКГБ и НКВД Новосибирской области Г. И. Кудрявцев и Ф. М. Медведев. Выступая на партсобрании в УНКВД 22 апреля 1941 г., секретарь новосибирского горкома ВКП(б) Волков пенял чекистам: «Тут многие товарищи выступали и жаловались, что с ними в Обкоме партии, в Горкоме партии не беседуют; я сам лично пробовал беседовать, но из вас не выдавишь ничего, (а) не только, чтобы (вам) самим проявить инициативу и пойти сказать, что в таких-то вопросах имеются ошибки...» [9](#)

Все чекисты знали о своих особых полномочиях, дарованных им высшим партийным руководством, и не стеснялись порой заявить об этом в полный

голос. Всё тот же Ф. Н. Иванов в 1940 г., давая свидетельские показания на процессе по делу работников Мошковского РО НКВД, заявил, что он «лично бил морды обвиняемым раньше и бьёт он им и сейчас». Начальник Следчасти УНКВД-УНКГБ Б. В. Панчурин, отвечая на упрёки коллег в недозволенных методах следствия, в апреле 1941 г. заявил на партсобрании: «В каком из советских законов сказано, что с контрреволюцией бороться до часу ночи, а не до трёх? Нет таких законов». [10](#)

Арест Ф. Н. Иванова и увольнение (временное) Б. В. Панчурина весной 1941 г. совершенно не повлияли на методы добычи признательных показаний. С работниками следственного отдела управления НКГБ-НКВД в изощрённой жестокости соревновался аппарат Прокопьевского горотдела НКВД, где арестованных в первой половине 1940-х годов истязали так рьяно, что начальник горотдела Д. Т. Кононов в 1944 г. был осуждён на 10 лет лагерей. Избиения в аппарате УНКВД были нормой. Тюремный режим ориентировался на то, чтобы всемерно помогать сломить арестованного. Так, дежурный помощник начальника внутренней тюрьмы сержант госбезопасности М. А. Зубрилин в рапорте от 10 марта 1942 г. доносил следователю М. П. Ермолину, что заключённый бывший начальник отделения новосибирского облздрава Л. М. Сырнев в нарушение порядка спит днём, для чего «взял тюремную подушку, запрятал её в брюки для того чтобы удобнее было сидеть и сидя спать». Бдительный тюремщик просил назначить арестанту «карцер для исправления»... [11](#)

Перед войной управление НКВД по Новосибирской области представляло собой очень внушительную по численности структуру, в основном состоявшую из работников контрразведывательного, секретно-политического, особого и транспортного отделов, а также оперативников 71 городского и районного отделов, многочисленных оперпунктов на железнодорожных станциях и водных пристанях. На 16 ноября 1940 г. партийная прослойка управления госбезопасности УНКВД в Новосибирске (не считая периферийных органов, то есть горрайотделов, а также транспортников, уполномоченных Сиблага, участковых и поселковых комендантов) состояла из 323 чел. Поскольку почти все чекисты, особенно оперативные работники, были коммунистами, то число членов ВКП(б), зафиксированное в материалах парторганизации НКВД-НКГБ и различных партийных комитетов, в основном соответствует общей численности работников УНКВД-УНКГБ.

В КРО (3-й отдел) был 21 коммунист, в первом, втором и третьем экономотделах (в 1939 г. выделенных из КРО и курировавших оборонную и прочую промышленность, сельское хозяйство, торговлю, кооперацию, заготовки, финансы) было 43 партийца, в СПО (2-й отдел) - 30, в особом отделе

- 56, следственной части - 17, 3-м транспортном отделении - 6 (собственно парторганизация дорожно-транспортного отдела Томской железной дороги насчитывала 39 членов, но существовала отдельно), водном отделе - 7, 3-м спецотделе (опероде) - 17. Отдел опертехники (2-й спецотдел) насчитывал 12 членов партии, учётно-архивный (1-й спецотдел) - 13, шифровальное отделение - 7, отдел кадров - 21, секретариат вместе с аппаратом особоуполномоченного (внутренняя безопасность) - 17, радиостанция - 25, тюремный отдел - 15, персонал внутренней тюрьмы УНКВД - 17 партийцев. Наиболее крупные аппараты УГБ на местах (Нарымский окротдел, Томский, Кемеровский и Сталинский горотделы) насчитывали порядка 20 и более оперативников каждый. Вспомогательный персонал был также велик: обслуга внутренней тюрьмы УНКВД в начале 1941 г. насчитывала 38 членов и кандидатов партии. Барабинская тюрьма, располагавшаяся в г. Куйбышеве Новосибирской области, являлась одним из основных «предприятий» небольшого города: на 1942 г. там служило 100 чел., в том числе 20 коммунистов. [12](#)

Следует отметить, что работники НКВД на местах постоянно отвлекались на решение проблем, не имевших ни малейшего отношения к оперативной работе. За несколько месяцев до войны обком ВКП(б) рассматривал конфликт между секретарём Асиновского райкома партии Юровым и начальником РО НКВД С. С. Зелёновым. Партийный секретарь жаловался, что в его машину стреляли, а чекисты слабо борются с преступностью: «хлеб плохо идёт, другие заготовки идут плохо, бандит ходит, разлагает». Начальник райотдела НКВД пылко возражал: «Он знает, сколько посажено, сколько этапировано - и после этого (говорит), что я не борюсь?...Я сделался работником райкома, почти ежедневно заседания, посылают в сельсоветы». [13](#) Обком ограничился замечанием в адрес обеих сторон и не подверг сомнению право партийных органов привлекать чекистов к хозяйственным кампаниям; в войну, когда кадровый голод на селе достиг пика, такая практика стала ещё более распространённой.

Произошедшие в 1941 г. разделение и повторное слияние органов НКВД негативно отразилось на работоспособности политической полиции. Весной 1941 г. были ликвидированы экономический и дорожно-транспортный отделы, а их работники развёрстывались по другим подразделениям. Замначальника ДТО Т. Е. Чайченко, протестуя против предложения назначить его начальником облмилиции и заместителем начальника УНКВД, сообщал обкому ВКП(б), что за 17 лет службы «достаточно изучил технику в борьбе с врагами всех мастей на железнодорожном транспорте» и хорошо известен в Москве и Новосибирске как опытный контрразведчик. Его доводы были приняты во внимание, и Чайченко вскоре получил должность замначальника КРО УНКГБ. Весной 1941 г., когда в связи с разделением НКВД было образовано Новосибирское облуправление НКГБ, штаты оперативных отделов формировались в течение

нескольких недель. В мае ведущий контрразведывательный (в переписке именовался 2-м) отдел УНКГБ состоял из 32 оперативников, распределённых по пяти отделениям. Главой КРО был лейтенант гб Л. К. Соловьев, начальниками отделений - Д. М. Негреев, С. В. Патракеев, С. Г. Хорошев (осуждён по неизвестным причинам не позднее октября 1941 г.), А. С. Глухов, Н. И. Малинин. [14](#) Все они, кроме старого оперработника Хорошева, были молодыми чекистами набора 1938 - 1939 гг.

Но уже в августе аппараты УНКГБ и УНКВД были слиты в одно ведомство, и вся структура карательной машины перекраивалась снова, на что опять ушло довольно значительное время. Новым начальником КРО в августе 1941 г. был утверждён бывший начальник секретариата УНКГБ А. В. Шамарин (снятый в апреле 1939 г. за применение пыток с поста замначальника дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД Томской железной дороги и ненадолго уволенный из НКВД). Л. К. Соловьев был понижен до заместителя Шамарина в КРО. В 1942 г. начальником КРО стал старый чекист (в 1922 г. судившийся в Барнауле за бессудные расстрелы) Я. А. Пасынков, а в 1943-м - И. Б. Почкай, одна из самых зловещих фигур тогдашнего УНКВД, сделавший карьеру в Кузбассе.

На фронт из УНКВД призывались преимущественно неоперативные сотрудники. На 1 августа 1941 г. некомплект оперсостава УНКВД составлял 127 человек, неоперативного - 390 человек. С 1 августа по 20 октября 1941 г. через партийно-комсомольские органы и по личным заявлениям в НКВД и милицию было принято 491 чел., в том числе 59 оперативников (среди последних оказалось 5 чекистов запаса). Из оккупированных областей и Москвы прибыло 155 чел., в том числе 69 оперработников. Из личного состава неоперативных отделов было выдвинуто 56 чел., из которых 33 заняли должности помощников оперуполномоченных, 17 - оперуполномоченных, 2 - начальников райотделов, 2 - начальников отделений, по одному - старшего следователя и замначальника отделения. К концу октября 1941 г. в УНКВД НСО насчитывалось 6.962 чел. (преимущественно милиционеров) при некомплекте в 455 чел. Основную долю некомплекта составляли неоперативные работники и только 61 чел. из 455 приходился на оперработников. Увеличился штат и негласных работников - на 24 человека. [15](#)

Заметным источником пополнения кадров НКВД в первый период войны была широкая амнистия осуждённых (преимущественно за нарушения законности) сотрудников. Тот же Ф. Н. Иванов просидел в тюрьме только до июля 1941-го. Затем его освободили «по мотивам нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности в условиях военного времени» и два месяца спустя отправили на фронт начальником особого отдела танковой бригады. Там Иванов

получил контузию и орден, после чего вернулся в Сибирь и, возглавив «Смерш» Томского гарнизона, продолжил откровенно и нагло фабриковать дела. Его подручные также остались на свободе. [16](#)

Освобождения чекистов из заключения указами Президиума Верховного Совета СССР с последующей отправкой на фронт (как в разведывательно-диверсионные группы, так и в штрафные роты) происходили, судя по всему, в два основных этапа: в конце 1941 г. и в конце 1942 г. В 1941 - 1942 гг. были освобождены из заключения осуждённые сибирские фальсификаторы К. К. Пастаногов (осуждённый на 8 лет ИТЛ); А. Г. Луньков (начальник Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД, осуждённый 22 февраля 1939 г. на 7 лет заключения); И. Ф. Золотарь (предшественник Лунькова в Ленинске-Кузнецком, осуждённый на 5 лет); А. И. Савкин (начальник СПО там же, осуждённый на 10 лет ИТЛ); С. С. Корпулев (помначальника отделения СПО УНКВД, осуждён в октябре 1938 г. на 5 лет ИТЛ); И. П. Шахов (оперработник Мариинского РО НКВД, за фабрикацию подписей в делах обвиняемых в 1938 г. был осуждён на 5 лет ИТЛ). Т. Ф. Бузунов, врид начальника Шегарского РО НКВД, арестованный за нарушения законности в 1938 г. и осуждённый к лишению свободы, избежал отправки на фронт и был использован по специальности: сначала работал в Асиновском лагпункте, а в 1945 г. был уже начальником оперчекотдела УНКВД по Томской области.

Амнистия коснулась и Г. К. Бекшаева, с февраля 1941 г. работавшего начальником Ахпунского лаготделения УИТЛК. Его за допущение смерти от голода 423 заключённых и доведение до крайнего истощения ещё 3.300 невольников 13 декабря 1941 г. сняли, арестовали и осудили в апреле 1942 г. на 3 года ИТЛ, но в 1943 г. Бекшаев был освобождён «по болезни» и направлен на фронт. Все эти чекисты благополучно пережили военные действия. [17](#)

Война способствовала возвращению на оперработу многих лиц, давно её оставивших и считавшихся скомпрометированными. Уволенный в мае 1939 г. в запас начальник Венгеровского райотдела НКВД Л. П. Попов в июне 1941 г. был возвращён в НКВД, в 1942 г. за служебные преступления получил 5 лет лишения свободы, но в том же году добился снятия судимости. Начальник отделения особого отдела ГУГБ НКВД СибВО М. М. Акимов осенью 1939 г. был уволен в запас «за искажение методов ведения следствия и перегиб в оперативной работе», а в 1941 г. оказался призван на службу в НКВД в связи с началом войны. За два года он дослужился до поста начальника особого отдела 65-й стр. дивизии и в 1943 г. был уволен из НКВД за пьянство и разложение. Бывший оперативник-особист из Новосибирска Ф. М. Миков, работавший народным судьёй в Томске, сразу после начала войны был зачислен на должность старшего оперуполномоченного Сталинского горотдела НКВД.

Несколько позднее в штат КРО был возвращён один из самых рьяных фальсификаторов эпохи террора А. В. Малозовский, уволенный из «органов» в 1939 г. с поста начальника отделения КРО. [18](#)

Что касается нового набора в органы НКВД, то среди новоиспечённых чекистов оказалось много людей откровенно малограмотных. Впрочем, чекисты со стажем также вызывали критические отзывы со стороны начальства. В октябре 1940 г. обкомом ВКП(б) было рассмотрено дело оперуполномоченного Зыряновского райотдела НКВД (и одновременно члена обкома ВЛКСМ) С. М. Жарова в связи с обвинениями в избиении арестованных во время допросов, которые Жаров проводил в нетрезвом состоянии, и присвоении имущества арестованных. Секретарь партбюро УНКВД А. П. Зотов в марте 1941 г. был разоблачён как расхититель 3.152 руб. партвзносов и вскоре осуждён на 5 лет; его подчиненный инструктор М. П. Козлов получил по тем же обвинениям два года. Бюро Новосибирского обкома ВКП(б) 11 сентября 1941 г. рассмотрело вопрос о «морально-бытовом разложении» начальника Чулымского МРО НКГБ Г. А. Макаренко и начальника Чулымского РО НКВД Я. С. Чумакова. За пьянство с подчиненными и развал оперативной работы Макаренко и Чумаков были исключены из партии и осуждены. Однако все перечисленные выше экс-чекисты также вскоре очутились на фронте и добились снятия судимости. [19](#)

Нелицеприятную оценку кадровому составу управления дали 27 октября 1941 г. руководители УНКВД. Глава управления М. Ф. Ковшук-Бекман резко критиковал деятельность бывших начальника отдела опертехники УНКГБ В. С. Судакова, начальника следчасти А. И. Соколова и руководителя Сталинского горотдела А. И. Льва, обвиняя их в развале работы. Судаков был отправлен на пенсию по инвалидности, Лев назначен в меньший горотдел - Ленинск-Кузнецкий, лишился должности и Соколов. Начальник КРО А. В. Шамарин заявил: «За полтора месяца у меня аппарат сменился несколько раз... Когда было слияние, то все кадры перепутали...» Отдел кадров получил свою порцию критики за то, что проводил изучение и выдвижение чекистских кадров формально, исключительно по анкетным данным. Ковшук-Бекман резюмировал: «Пополнение у нас слабое. Нужно подобрать хороших товарищей, имеющих высшее образование...» [20](#) Однако заметного повышения образовательного уровня чекистов в первые годы войны не произошло, так как лиц, имевших высшее образование, в НКВД-МГБ попадало немного вплоть до самых 1950-х.

Но начальствующий состав, в том числе низовой, имел довольно заметную прослойку лиц с образованием не ниже среднего. Одним из перспективных работников считался имевший незаконченное высшее образование контрразведчик Н. И. Дёшин, знавший немецкий язык. А. Г. Хусаинов, имевший

высшее образование и поступивший в НКВД в 1940 г., работал в СПО и КРО. Л. А. Воронель, инженер завода им. В. П. Чкалова, в 1939 г. был мобилизован в органы «как имеющий большое желание работать в органах НКВД» и утверждён «для оперативного обслуживания завода». К 1944 г. он дослужился до помначальника КРО УНКГБ НСО. Достаточно высокий уровень технической подготовки был у работников радиостанции РС-71. Работники периферийных органов, напротив, имели более низкий уровень образования. [21](#)

Заметной прослойкой в составе УНКВД являлись чекисты, эвакуированные в Новосибирск. В августе 1941 г. из Москвы прибыли старшие следователи Следчасти НКГБ СССР В. Г. Сериков, Е. И. Касаев, С. К. Подъёмщиков, следователи В. Г. Иванов и младший лейтенант ГБ Ромащенко, тут же приступившие к следствию по линии СПО. В ноябре в Новосибирск прибыл замначальника СПО НКВД по Одесской области С. И. Дрибинский (на аналогичную должность) и ряд других офицеров госбезопасности, эвакуированные из оккупированных областей СССР. Начальник следственной группы НКВД УССР А. М. Лесной вместе со следователями Н. А. Кравцом и И. Б. Губенко осенью 1941 г. также были эвакуированы в УНКВД НСО. «Латвийская следственная группа» из примерно 10 чел. была прикреплена к учётно-архивному отделу. «Мозырьская следственная группа» НКВД БССР тогда же была прикреплена к тюремному отделу. Большая часть эвакуированных ненадолго задержались в Новосибирске, но несколько оперативников впоследствии заняли видное место в аппарате следственного отдела: М. С. Ривкин (из Одессы), М. А. Серый (из Вильно). [22](#)

Для мировоззрения работников госбезопасности описываемого периода характерно осознание своей структуры как государства в государстве. Ощущение чекистами себя особой кастой хорошо видно из слов начальника УНКВД Г. П. Кудинова, который за три недели до начала войны довёл до сведения подчинённых, что командующий войсками СибВО генерал-лейтенант С. А. Калинин «ориентировал меня», что «10 человек из наших работников, будучи в форме, на его приветствие при встречах не отвечали».

Но война в определённой степени нивелировала привилегии НКВД в части их материального обеспечения. Бытовые условия чекистов были весьма сложными. Даже те из них, кто жил в одном из лучших зданий Новосибирска - стоквартирном доме на ул. Серебренниковской - с конца 1941 г. более года из-за проблем в водоснабжении и отоплении не имели даже холодной воды и зимовали при комнатной температуре около 10 градусов тепла. Питание оперсостава в стенах управления отличалось довольно скверным качеством и в довоенный период, а в условиях войны оно гораздо более ухудшилось. Карточки полностью отоваривались только начальствующему составу

(начальники отделов также дополнительно получали по 5 кг мяса и 80 яиц ежемесячно). Неоперативный состав питался значительно хуже. В 1942 г. сотрудниц 24-го (цензурного) отделения 2-го спецотдела УНКВД травили лапшой с червями, кислой капустой и щами с «запахом карболки и отвратительного вкуса», отчего в отделе периодически случались групповые отравления. Работникам особого отдела в январе 1942 г. начальник спецторга пенял за то, что они не желали делиться запасами своего ведомственного буфета с эвакуированными коллегами. [23](#)

Начало военных действий оказало чрезвычайно существенное влияние на кадровую политику органов госбезопасности. Потребности военной контрразведки обусловили перелив оперработников из территориальных органов во фронтовые. Особый отдел СибВО стал настоящей фабрикой по производству специалистов в области военной контрразведки. В октябре 1940 г. его номенклатура, утверждаемая обкомом партии, состояла из начальника, двух его заместителей, 11 начальников отделений, двух начальников отделений гарнизонов, пяти заместителей начальников отделений, 14 старших оперуполномоченных и четырёх следователей. Майор госбезопасности А. П. Можин возглавлял особый отдел СибВО с конца 1938 по июнь 1941 г., затем он был отправлен в действующую армию. Его на некоторое время сменил политработник - полковой комиссар Никитин. Назначение на такую ответственную должность не чекиста отражало острейшую нехватку военных контрразведчиков в тылу.

Пополнение особого отдела СибВО в очень большой степени шло за счёт людей, не имевших отношения к оперативной работе. Так, работавший корреспондентом «Известий» по Новосибирской области И. Н. Филиппов уже в июне 1941 г. был назначен старшим оперуполномоченным, а затем старшим следователем особого отдела СибВО. В его мобилизации в НКВД сыграла свою роль, вероятно, работа в 20-е годы политруком пограничных частей. Экс-чекисты получали возможность сразу занимать руководящие должности: например, в июне 1941 г. в систему особых отделов взят бывший начальник Ойротского облотдела ОГПУ П. Ф. Аксёнов, до 1939 г. работавший председателем спецколлегии крайсуда и председателем новосибирского облсуда - в августе 1941 г. он стал начальником отделения особого отдела СибВО. В ноябре 1941 г. начальником отделения особого отдела СибВО назначили и М. Н. Буторина, бывшего руководителя УНКВД по Ойротской АО, уволенного из «органов» в 1939 г. [24](#)

Разумеется, что после 100-часовых оперкурсов вчерашние офицеры, политработники и гражданские лица не могли превратиться в квалифицированных контрразведчиков. Но для них работа по выявлению вражеских агентов была больше формальной задачей. Целью особистов,

количество которых выросло очень резко, было максимально возможное количество выявленных «врагов народа» в армии.

Рядового В. К. Загородникова новосибирские особисты в июле 1941 г. арестовали прямо в вагоне за то, что тот в пьяном виде угрожал командиру. Не доехавшему до германского фронта бывшему участнику советско-финской войны припомнили и разговоры о том, что «много побили финны наших», осудив за «терроризм» на 10 лет лагерей. Показательно дело на командира штабной батареи дислоцированной в Ленинске-Кузнецком 376-й стрелковой дивизии лейтенанта А. И. Гуркова, который побывал в окружении и неосторожно поделился с сослуживцами впечатлениями от немецкой армии: в захваченной деревне немцы загорали, питались вдоволь, чистили зубы и выглядели «очень культурно». За восхваление противника Гурков был в октябре 1941 г. арестован и осуждён на 8 лет лагерей. Добрались особисты и до неграмотного чернорабочего военного склада в Новосибирске К. Н. Горлова, обвинив его в декабре 1941 г. в пораженческой агитации (около года спустя он умер в новосибирской тюрьме). [25](#)

Заметной стороной кадровой работы УНКВД стала подготовка сотен женщин к работе цензорами переписки действующей армии с тылом. Особенное внимание уделялось недопущению так называемых «отрицательных высказываний» в письмах, адресованных военнослужащим, так как считалось, что информация о колоссальных бытовых трудностях в тылу негативно скажется на боевом духе армии.

Работники УФСБ по Новосибирской области в книге «Призвание - Родине служить!» утверждают, что новосибирские чекисты в предвоенный и военный период успешно ликвидировали агентуру вражеских разведок. До осени 1937 г. в Новосибирске работали германское и японское консульства. Многолетний консул Гросскопф, которого в ПШ ОГПУ - УНКВД Запсибкрая считали главным резидентом немецкой разведки, после возвращения в Германию работал в МИДе. Был ли разведчиком кто-либо из остальных сотрудников немецкого консульства, сказать затруднительно. О слабости наружного наблюдения со стороны немногочисленного (около дюжины сотрудников) аппарата оперативного отдела УНКВД свидетельствует заявление в начале 1938 г. одного из оперработников, который отмечал, что чекисты-«топтуны» были хорошо известны германским дипломатам: бывший секретарь консульства Кёстинг, который «вёл большую разведывательную работу на территории Новосибирской области... буквально знал каждого разведчика, ходил мимо них, снимал головной убор и кланялся, приговаривая, что «можете сегодня за мной не ходить, так как я идти сегодня никуда не намерен». [26](#)

Следует учесть, что в аппарате консульства Германии работали осведомители госбезопасности (многолетний секретарь консульства В. Кремер трудился на ОГПУ-НКВД с 1924 г.), а практически весь обслуживающий персонал из числа советских граждан был завербован «органами». Но даже если и среди немецких граждан были работники нацистских спецслужб, то вряд ли их возможные агенты пережили массовый террор 1937 - 1938 гг., а после высылки всех дипломатов из Новосибирска какая-либо связь с оставшимися в Сибири лицами стала невозможной. Очень существенным контрразведывательным фактором стало сооружение перед войной в Новосибирске мощной радиостанции, подчинявшейся специальному отделу УНКВД, что позволяло надёжно пеленговать любые нелегальные передачи из сибирского региона.

Но в УНКВД исходили из того, что японо-германские шпионы действуют повсюду. В феврале 1941 г. новосибирские чекисты сообщали в Москву, что германская разведка сохранила «кадры своей старой законспирированной агентуры из числа бывших служащих различных торговых германских фирм в бывшей царской России и связей германского консульства, через которую ведётся как разведывательная работа, так и политическая пропаганда». За этими туманными формулировками стояла, в частности, липовая агентурная разработка на бывшего коммерсанта, торговавшего немецкими швейными машинками, С. И. Трунченкова, о судьбе которого будет рассказано ниже. [27](#)

О японской разведывательной деятельности благодаря публикациям последнего времени есть чуть более определённые сведения. В середине 30-х годов в Новосибирске работало не менее трёх опытных офицеров-разведчиков японского генштаба, которые усиленно следили за передвижениями советских войск на Дальний Восток по железной дороге. Это консул Ота Хидео, секретарь консульства Танака Камон (под этим именем скрывался майор Така) и ещё один секретарь консульства Одагири Тосима. Книга Нагоси Кэнро «Разговоры о секретных документах Кремля», основанная в том числе на рассекреченных материалах разведки, утверждает, что японские офицеры передали из Новосибирска в Токио весьма точную информацию о советских военных планах в Китае, которому после начала японской оккупации Маньчжурии СССР оказал огромную по масштабам военно-экономическую помощь.

В отчёте о деятельности УНКВД за 1940 г. новосибирские контрразведчики сообщали, что японская разведка якобы «развивает большую активность по созданию разветвлённых повстанческо-диверсионных формирований из кулацкого, белогвардейского и прочего антисоветского элемента для активной вооружённой борьбы с Советской властью в момент военной интервенции». Обоснованием тезиса служил поджог в мае 1940 г. здания строившейся в Новосибирске трикотажной фабрики, совершённый якобы агентом атамана Г.

Семёнова С. Т. Паршиным и его сообщниками. Однако все четверо расстрелянных по делу о «поджоге» были реабилитированы в ноябре 1994 г. [28](#)

После начала военных действий главный удар работники НКВД, как и ранее, наносили по «бывшим». Уцелевшие после чисток 1930-х годов бывшие собственники и белые офицеры, спецпереселенцы, активные верующие и все ранее репрессированные по 58-й ст. УК состояли на учёте и разрабатывались с помощью агентуры, поскольку продолжали считаться базой для возможной активизации антисоветских элементов. Информационные сводки НКВД-МГБ сталинского времени свидетельствовали о высоком критическом потенциале общества, недовольного снижением уровня жизни, репрессиями и очевидной ложью официальной пропаганды. Проявления нелояльности советского тылового населения обычно носили пассивный характер: негативное обсуждение действий начальства между родственниками и знакомыми, широчайшее распространение самых невероятных слухов, а также политических анекдотов, хранение радиоприёмников и слушание германского радио, рассылка анонимных писем в газеты и руководящие инстанции. Тем не менее, весьма распространёнными были надежды на скорое свержение советской власти немцами и японцами, уклонение от мобилизации, дезертирство из армии и перебегание на фронте к врагу.

В первые же дни войны был нанесён масштабный удар по ранее судимым по ст. 58 УК, по тем, кто проходил по учётам и давно разрабатывался агентурой. Начальник УНКГБ по Новосибирской области М. Ф. Ковшук-Бекман - ветеран органов госбезопасности, весной 1941 г. направленный в Сибирь из Москвы - несомненно, желал вернуться в столицу и в жажде отличиться нацеливал аппарат на массовые репрессии. Под стать начальнику управления были и остальные руководители: его заместитель С. И. Плещов, начальники секретно-политического отдела И. Б. Почкай и С. И. Дрибинский, начальники контрразведывательного отдела Л. К. Соловьёв и А. В. Шамарин - все выдающиеся фальсификаторы, выдвинувшиеся в годы «Большого террора». Следственный отдел состоял из молодых, с чекистским стажем не более одного-двух лет, но уже вполне сформировавшихся палачей, готовых не стесняясь в методах допрашивать обвиняемых. В августе 1941 г. для усиления репрессивного аппарата был воссоздан упразднённый полугодом ранее Транспортный отдел НКВД Томской железной дороги - его возглавил опытный чекист Д. А. Ефимов, сразу рьяно взявшийся за искоренение «врагов народа». Им был обнаружен «клеветник» и в собственных рядах - комендант отдела В. Е. Сабо, арестованный в ноябре 1941 г. и осуждённый на 8 лет лагерей за пораженческую агитацию: распространение слухов о паническом отступлении РККА и её слабости, «превознесение технической и материальной

оснащённости германской армии», восхваление немцев как людей высокой культуры. [29](#)

В весьма информативной справке от 13 июля 1941 г. С. И. Плещова перечислялись многочисленные «организации», раскрытые НКГБ в Кузбассе сразу после начала боевых действий: «Сейчас аппарат органов госбезопасности приведён в мобилизационную готовность и приступил к перестройке работы и разгрому контрреволюционного, шпионско-диверсионного подполья. (...) В Кемерове после речи тов. Молотова группа руководящего состава контрреволюционной подпольной организации, вскрытой органами НКГБ (Белетин, Ягунов и др.), собиралась на совещание, где (они) приняли решение в связи с военными действиями организовать взрывы на шахтах и комбинате 392. После совершения диверсии эта группа намечала организовать бандитские вооружённые выступления с тем, чтобы внести панику среди населения и парализовать город.

(...) Отмечены факты, когда кулацкие элементы подготавливали поджоги хлеба в колхозах (дело «Гаёжники» в Кемерово, Оленчук, Селиванов в Прокопьевске). В Кемерово, Сталинске и Прокопьевске арестованы антисоветские люди, которые пытались распространить контрреволюционные листовки и прокламации, призывающие к борьбе с Соввластью (Ламыгин - кулак, Соболев - германский шпион). В Прокопьевске группа кулаков (Косатый, Иванченко, Лещук и др.), объединившись между собой на почве антисоветских взглядов и провозгласив себя «союзом борьбы с советской властью», проводили вербовку единомышленников в организацию и подготавливали диверсии на шахтах. (Этот союз арестован)». [30](#)

Особое внимание со стороны политической полиции Кузбасс испытывал всю войну. По официальным данным, без малейшей критики процитированным новейшим ведомственным источником, только за февраль - июнь 1943 г. чекистами только что созданной Кемеровской области было выявлено «12 изменников родины, обезврежено 17 шпионов, диверсантов и террористов, пресечена деятельность 142 распространителей провокационных слухов и паникеров, 119 саботажников, задержано 70 дезертиров». [31](#)

Предметом особой гордости новосибирских чекистов стало дело «шпионской группы» С. И. Трунченкова, на которое работники ФСБ ссылаются вплоть до настоящего времени. В псевдодокументальной повести «Абвер выходит на связь» В. Тарасова, опубликованной «Сибирскими огнями» в конце 1985 г. и перепечатанной в 1997 г. в сборнике «Призвание - Родине служить!», Трунченков лживо обрисован матёрым эксплуататором и многолетним опытным шпионом. Даже возраст ему снижен на 10 лет - явно сознательно, чтобы «резидент» не выглядел глубоким стариком. В феврале 1931 г. его

осудили за подрыв финансов государства (скупка золотой монеты) и агитацию против советской власти на 5 лет концлагеря. Трунченков все годы до нового ареста скитался по знакомым, подрабатывая привычным ремонтом швейных машинок. В. Тарасов ложно утверждает, что после освобождения из заключения «зажил наш мастер в тепле и достатке, сняв сразу несколько квартир». Протоколы обысков у знакомых Трунченкова сообщают иное, перечисляя среди его имущества старую изношенную одежду, «замасленную фуфайку», две фарфоровые тарелки, запчасти к швейным машинам и «разные мелкие вещи, не пригодные к употреблению». **32**

2 июля 1941 г. С. И. Трунченков был арестован как германский агент с 1903 г., ведущий активную шпионскую работу с помощью своих обширных связей среди антисоветского элемента. Под шпионажем имелся в виду якобы ведшийся Трунченковым сбор сведений о политико-моральном состоянии Красной Армии и экономическом положении регионов Сибири. Единственное посещение германского консульства в Новониколаевске в 1925 г. с целью узнать адрес дочери, жившей в Берлине, предстало началом шпионской деятельности в советское время. К делу Трунченкова чекисты, стараясь создать солидную шпионскую группу, присоединили ещё двух человек: его старого знакомого 61-летнего бывшего эсера (по профессии штукатура) Т. Г. Небылицына и 49-летнего кузнеца А. И. Вильберга.

Трунченков, несмотря на скудное образование, был не только хватким коммерсантом, но и незаурядной, независимо мыслящей личностью. О смелости его суждений свидетельствует растерянный вопрос следователя в июле 1941 г.: «Откуда Вам было известно, что Германия выступит войной против Советского Союза в 1941 году?» Трунченков ответил, что «свои высказывания я обосновывал тем, что заключённый договор Германии с Советским Союзом непрочен и Германия его обязательно нарушит». **33** Человек очень пожилой, он долгие недели выдерживал изнурительные ночные допросы и избияния, стараясь никого не оговорить. Трунченков пал жертвой в деталях продуманной чекистской провокации, которая базировалась на специфических талантах матёрого спецагента ОГПУ-НКГБ А. П. Левчука. Он познакомился с Трунченковым в 1940 г., заманив его к себе для починки швейной машинки. Левчук провоцировал старика на острые разговоры, одновременно пытаясь завлечь ещё одну жертву - Трифона Небылицына, которого впоследствии точно так же оклеветал.

Для полной достоверности и конспиративности Левчука провели по документам дела Трунченкова как обвиняемого, хотя он не арестовывался до 1944 г., когда агента изобличили в провокаторстве и осудили на 10 лет лагерей. Левчук на допросе 22 сентября 1941 г. показал о Трунченкове следующее: «Он мне рассказывал о своей дореволюционной работе... был завербован немецким

доктором Виленбург(ом) для шпионской работы в пользу Германии», до революции ездил в Германию, где получил крупную сумму и смог открыть в Новониколаевске торговлю швейными машинами. Сведения о докторе-«шпионе» Виленбурге Левчук, несомненно, получил от следователя В. Пантелеева, который выбил их из Трунченкова немного ранее. **34**

В заседании военного трибунала СибВО 4 декабря 1941 г. Трунченков сказал: «Давал показания следователю я под насилием. Я следователем несколько раз был избит резиновой бечёвкой... Шпионаж в пользу одного из иностранных государств я категорически отрицаю». **35** После краха дела в военном трибунале следователи направили его в Особое совещание при НКВД СССР. 14 марта 1942 г. Трунченков был во внесудебном порядке осуждён и 9 апреля казнён. Небылицын и Вильберг получили лагерные сроки. Осуждённых реабилитировали только в 1989 г. **36** Расстрел Трунченкова и других «шпионов» и «диверсантов» помог Шамарину возвыситься: в 1942 г. начальник контрразведки стал заместителем начальника управления НКВД, а недолгое время спустя возглавил органы НКВД-МВД Кемеровской области. **37**

«Шпиона» среди колхозников Татарского района выявил оперуполномоченный местного райотдела НКВД И. В. Соков. Арестовав осенью 1941 г. А. С. Бухольца - кузнеца-немца в колхозе им. Молотова - он добился признаний в том, что ещё в 1918 г. того завербовали немцы, оккупировавшие Украину, дав задание законспирироваться и ждать следующей войны. За шпионаж и антисоветские высказывания Бухольц Особым совещанием был приговорён к высшей мере наказания, но приговор исполнить не успели - «резко истощённый» осуждённый умер в тюрьме г. Куйбышева в апреле 1942 г. **38**

57-летний Н. И. Подбельский, начальник производственного отдела треста «Стройматериалы» наркомата путей сообщения, был арестован в июле 1941 г. Досье на Подбельского было солидным - ещё полутора десятилетиями раньше чекисты отмечали его отрицательное отношение к советской власти. Из Подбельского выбили показания о работе на германскую (сначала, правда, записали японскую) разведку и осудили на 15 лет лагерей. Дочери, которая получила короткое свидание с ним, инженер рассказал, как его мучили лишением сна, как заставили трое суток напролёт стоять... Дочь писала К. Е. Ворошилову, что отца «били и следы этого были видны у него на лице». **39**

С 1925 г. чекисты «вели» юрисконсульта райтрансторгпита Томской железной дороги В. В. Никитина: «Разрабатывался агентурно 7-ю источниками, которые систематически освещали его антисоветскую деятельность». Его арестовали в январе 1942 г. и по собранным материалам обвинили в пораженческой пропаганде и восхвалении Гитлера. Отрицая обвинения, Никитин тем не менее твёрдо сказал: «Я считал и сейчас считаю, что политика по сельскому хозяйству направлена на ущемление интересов крестьянства, ведёт к разрушению всего

сельского хозяйства». По приговору Особого совещания в сентябре 1942 г. Никитин был расстрелян. **40**

В ночь на 2 июля 1941 г. по агентурным материалам был арестован оценщик комиссионного магазина 43-летний Ю. А. Кац. В 1927 г. он был осуждён в Благовещенске на три года концлагеря за контрабанду и затем выслан в Сибирь. Его решили обвинить в шпионаже как якобы связанного в Новосибирске «с одним из иностранных дипломатических представительств». Дело вёл начальник 2-го отделения отдела контрразведки УНКГБ С. В. Патракеев. Как писал в 1956 г. Ю. А. Кац, «бил меня много раз Патракеев, били и другие». Один из следователей заявил упрямому арестанту, что, хотя обвинение в шпионаже отпало, он не выйдет из тюрьмы, пока не признается «хотя бы в антисоветской агитации». Особым совещанием Кац был осуждён на 10 лет лагерей. **41**

Крайне опасными врагами властей считались активные верующие, особенно из сектантской среды. 7 октября 1941 г. новосибирский облсуд рассмотрел дело 24 чел. из секты «православных христиан» во главе с бывшим монахом М. А. Мартемьяновым и раскулаченными М. Е. Уткиным с его женой А. П. Уткиной. Они обвинялись в том, что создали контрреволюционную группу, которая, помимо молений и «читок религиозных писаний», «злбно клеветала» на лидеров страны, призывала верующих не исполнять советские законы и уничтожать свои документы. Действительно, 21 февраля, 9 мая и 18 июня 1941 г. группы верующих приходили в отделения милиции Новосибирска и публично рвали свои паспорта, заявляя, что не желают пользоваться бумагами с «антихристовой печатью».

Обвиняемые были арестованы с 24 июня по 6 июля 1941 г. Являлись они верующими разного толка, в их составе оказались и евангельские христиане вкупе с иеговистом. У трех женщин были арестованы мужья (а у А. Г. Леуткиной, помимо супруга, в 1937-м расстреляли и двух сыновей). Младший сын Леуткиной сообщил на допросе, что в ноябре 1940 г. мать заставила его написать четыре экземпляра духовных стихов «Обитель святая» с припиской: «Долой жидов, спасай православную Россию» и велела расклеить - «я, боясь ответственности, принёс и сдал их в органы НКВД». Приговор был беспощадным: за антисоветскую агитацию 13 человек расстреляли. **42**

В июле 1941 г. в Новосибирске была «вскрыта и частично ликвидирована антисоветская баптистская организация, проводившая подрывную работу против Советской власти в целях установления буржуазно-демократического строя на территории СССР». Среди 9 арестованных большинство составляли лидеры общины баптистов: В. Г. Калмыков, В. И. Ананьина, П. Я. Скакунова, И. В. Подгорнов, Ф. П. Гуров, И. Е. Лузин, А. М. Зеронин. В обвинительном заключении утверждалось, что «организация» должна была проводить широкую

антисоветскую агитацию, оказывать материальную помощь арестованным баптистам и вербовать новых членов.

26-27 ноября 1941 г. областной суд приговорил к расстрелу Калмыкова, Подгорнова, Ананьину и Скакунову, остальные обвиняемые получили большие лагерные сроки. А. М. Зеронин в своей апелляции писал: «Фактически моя вина в том, что я являюсь верующим в бога. Никогда в никаких к-р. организациях не состоял и никакой агитации не вёл... Меня же заставили подписать протокол путем физического насилия. Меня так избили, что я оглох». **43**

25 июня 1941 г. работники СПО арестовали пожилых «активных церковников» бухгалтера П. А. Гладышева и бывшего архивариуса М. К. Шараевского, а пять дней спустя присоединили к ним видного новониколаевского экспедирента Н. А. Адрианова. Этим верных прихожан единственной оставшейся в Новосибирске кладбищенской церкви обвинили в пропаганде создания катакомбных «домашних церквей», дискредитации властей и пораженческих высказываниях. Обвиняемые признали, что оценивали советскую власть как сатанинскую и распространяли, в частности, пресловутые «Протоколы сионских мудрецов». 27 октября 1941 г. облсуд приговорил всех троих к расстрелу.

Несмотря на очень большие цифры арестованных «врагов народа», начальник СПО С. И. Дрибинский в феврале 1942 г. отмечал, что отдел работает посредственно: «Глубокого вскрытия корня контрреволюционного ядра нет, сшибаем только верхушки». Тогда же партком УНКВД принял специальное решение по работе СПО, где констатировалось: «Разработка антисоветского элемента проходит поверхностно, шаблонно и старыми методами (...) [мало] приобретает квалифицированной агентуры, способной вскрывать глубокое контрреволюционное подполье», отчего «до сего времени вскрываются только отдельные антисоветские группы и одиночки-антисоветчики». Таким образом, руководство управления в традициях 1937 г. ориентировало чекистов на поиск возможно более крупных «контрреволюционных организаций», надеясь вскрыть масштабное заговорщицкое ядро. **44**

В феврале 1942 г. чекисты оперпункта ст. Инская арестовали Я. Л. Эпштейна - 63-летнего заведующего цехом новосибирского стрелочного завода, обвинив в антисоветской агитации. Но из подробных донесений внутрикамерного агента «Ямского» следует, что Эпштейна чекисты-транспортники усиленно «вели» по линии японского шпионажа. Рассказав чекистам, что «старичок оказался довольно ядовитым», готовым резать членов правительства «одного за другим, как цыплят, начиная с Самого...», «Ямской» резюмировал: «В отношении же сущности дела - связи с японцами - моё мнение: дело дальше не пойдёт... насчёт

японцев с занятой позиции явно не сойдёт даже в условиях камеры и той степени доверия, которое он пока ко мне питает». Действительно, «шпионское» дело из-за упорства Эпштейна оказалось провалено, и он отделался всего лишь пятью годами ссылки за антисоветскую агитацию. [45](#)

Характерной чертой карательной политики УНКВД военных лет были постоянные репрессии по отношению к работникам партийно-государственных структур. Здесь проявился хороший контакт чекистов с секретарём обкома ВКП(б) М. В. Кулагиным, который инициировал аресты чиновников и с помощью органов госбезопасности держал в постоянном страхе весь партийно-советский аппарат. В июне 1941 г. по доносам сослуживцев были взяты под стражу служащие переселенческого отдела при облисполкоме: бывший заместитель начальника этого отдела С. П. Пулькин, бывший ответисполнитель по снабжению П. И. Васехо и начальник планово-финансового сектора отдела П. Н. Ребров. Их обвинили в антисоветской агитации и провале переселения в область крестьян из европейской части страны. В суде Васехо говорил, что его 25 июня 1941 г. «следователь Негреев ударил большим ремнём по спине... Чайченко ударил под сердце, отчего я упал». Тем не менее облсуд осудил его и Пулькина на 6 лет лагерей, а Реброва оправдал. [46](#)

В ночь на 23 августа 1941 г. экстренное заседание бюро обкома ВКП(б) санкционировало арест задержанных накануне двух своих руководящих работников: начальника отдела местной и лёгкой промышленности Г. К. Азарова и инструктора оргинструкторского отдела В. А. Волкова. Будучи в командировке в районе, они услышали разговор колхозников о том, что маршал Тимошенко перебежал к немцам. Заведующий транспортным отделом обкома М. Т. Мирохин и заместитель заведующего военным отделом обкома С. П. Кизеев 18 августа донесли о разговорах своих коллег. Обсуждение темы мифической измены в узком кругу работников обкома было расценено Кулагиным как распространение ложных провокационных слухов. Волкова с Азаровым арестовали и предали суду, который осудил их на три и два года тюремного заключения. Военная коллегия Верховного Суда СССР 21 ноября 1941 г. постановила отменить приговор как необоснованный. [47](#)

Директор новосибирского облтреста «Маслопром» С. В. Сумбаев, участник захвата Зимнего дворца и партизан, был арестован 28 ноября 1941 г. Сумбаев себе позволял крайне резкие реплики относительно советских порядков. На совещании работников Маслотреста по вопросу о затяжке строительства комбината сухого молока в г. Куйбышеве он «всему совещанию бросил реплику: «Таков принцип Советской власти - один строит, другой в гармонь играет». Директор треста «Главмаслопром» А. Л. Катаманин доносил на своего подчинённого, что тот, проходя мимо магазинной очереди, сказал: «Скоро нас эти люди уничтожат. Мы, коммунисты, виноваты в этих очередях».

Окончательно решила судьбу Сумбаева его фраза о деградации сельского хозяйства на заседании облисполкома 22 ноября 1941 г. Председатель облисполкома И. Т. Гришин резко ответил: «В вашем политическом лице нужно разобраться (...) это просто антисоветское высказывание... клевета на всё состояние дел в области...» В итоге Сумбаева осудили на пять лет заключения. [48](#)

Отдельная страница деятельности УНКВД - уничтожение руководства строительства крупнейшего в стране комбината № 179 (ныне «Сибсельмаш») по производству боеприпасов. За два дня до начала войны парторг комбината Кузнецов доносил обкому ВКП(б), что начальник строительства С. К. Полухин «не пользуется политическим доверием в местных парторганизациях». В октябре 1941 г. Полухин на бюро обкома оказался подвергнут резчайшей критике за недостаточное строительство жилья, а 1 ноября 1941 г. и Полухин, и главный инженер П. Ф. Алефиренко были арестованы. Выступая вскоре на заседании бюро обкома ВКП(б), М.В. Кулагин заявил: «Совершенно ясно и то, что по очень многим вопросам строительство преступно, умышленно затягивалось», - и сразу предложил уже арестованного Полухина снять с работы, исключить из ВКП(б) и отдать под суд военного трибунала.

Недоброкачественное и затянутое строительство, по мнению комиссии обкома ВКП(б), проверявшей самую крупную стройку Новосибирска, было результатом вредительства. Как отмечал в 1956 г. один из членов комиссии, она «работала под контролем оперативных работников УНКВД по Новосибирской области, со стороны которых допускался нажим на членов комиссии с целью получения от них выводов, усиливающих вину ПОЛУХИНА, АЛЕФИРЕНКО и др.». Основное следствие проводилось в Москве, где в 1941 - 1942 гг. часть обвиняемых была расстреляна, а остальные осуждены к длительным срокам заключения. [49](#)

В начальный период войны была перестроена работа подразделений НКВД, отвечавших за «оперативное обслуживание» крестьянской и национальной ссылки. В сентябре 1941 г. Ковшук-Бекман в своём распоряжении отметил, что агентура в спецпосёлках «кулаков» и прибывших в 1941 г. этнических переселенцев совершенно недостаточна. По мнению начальника УНКВД, около 10 тыс. «трудоспособных и ограниченно трудоспособных» спецпереселенцев уклонялись от работы, к тому же высока была цифра побегов из ссылки. Начальник УНКВД предписывал пересмотреть агентурный аппарат, исключить неработоспособную часть и быстро завербовать необходимое количество «противопобеговой агентуры». Он подчёркивал: «Наиболее ценная агентура должна быть на связи с начальником горрайотделений НКВД и (у) райкомендантов, а рядовое осведомление - у поселковых комендантов». Для

борьбы с допускающими антисоветские высказывания и уклоняющимися от работы разлагателями трудовой дисциплины Ковшук-Бекман предписывал немедленно привлекать таковых к уголовной ответственности за саботаж и антисоветскую агитацию, заканчивая следствие в 10-дневный срок. [50](#)

Оперативно-чекистский отдел УИТЛК УНКВД по Новосибирской области также вносил свою лепту в фабрикацию антисоветских организаций. Так, весной 1942 г. в Кривощёковском лаготделении два спецагента, завербованные из осуждённых бывших коммунистов-уголовников - староста стахановского барака Н. П. Нежданов и прораб 1-го лагпункта И. Д. Середа - предложили заключённому Г. И. Журиго помочь им выявить лиц, пригодных для зачисления в РККА. Журиго получил от агентов образцы текстов и, будучи полуживым от голода, за два дня с трудом нацарапал шесть коротких антисоветских листовок, чтобы зачитывать их среди заключённых и фиксировать реакцию. «Задание» готовить побег получил такой же истощённый заключённый Ф. Я. Наумчук - агенты показали ему обложки своих документов, заявив, что это японский и немецкий паспорта, а потом накормили супом. Одна из листовок выглядела так: «Бойцы и командиры рабочия колхозники верните оружие против С.С.С.(Р) Срывай военные заводы уничтожайте жыдов и вызволяте 17 мл заключенных». Дело (всего по нему прошло три человека) было сфабриковано группой сотрудников оперчекотдела во главе со старшим следователем И. Л. Ракитой. Сразу после написания листовок заключённые были арестованы, обвинены в организации фашистской заговорщицкой группы и осуждены к расстрелу с заменой на 10 лет заключения. [51](#)

Чекисты не брезговали (как и в 1937 - 1938 гг.) оформлением политических дел на профессиональных уголовников. В мае 1942 г. работники секретно-политического отдела арестовали 27-летнего вора-домушника А. А. Галифа-Креймера, за которым были четыре судимости и два побега. За антисоветскую агитацию и за то, что, освободившись из заключения, он не встал на воинский учет, военным трибуналом войск НКВД Западносибирского округа этот представитель преступного мира был расстрелян. [52](#)

Огромный аппарат УНКВД-УНКГБ по Новосибирской области не смог выловить за годы войны ни одного настоящего шпиона или диверсанта. Согласно публикациям ведомственных историков, максимальное контрразведывательное достижение УНКВД по Новосибирской области военных лет - успешная оперативная игра «Фисгармония», долгое время ведшаяся по распоряжениям Центра с помощью арестованного в Пензенской области немецкого агента-радиста, во время которой в Германию отправлялись завышенные цифры выпуска продукции военными предприятиями Новосибирска.

Немецкая разведка не смогла найти ресурсов для проникновения в сибирский тыл и осуществления диверсий на громадных военных предприятиях. Это признавали и сами местные чекисты, резко критикуя появившиеся сразу после войны в их среде «демобилизационные настроения». Подытоживая работу УНКВД начального периода войны, глава СПО С. И. Дрибинский в январе 1943 г. отметил «недостаточно глубокое проникновение во вражеский лагерь», но одновременно подчеркнул эффективность превентивных действий чекистского аппарата: «...Мы имели факты, когда враг подготовлял целый ряд диверсионных актов и создавал повстанческие формирования, (но) своевременным ударом по врагу мы глушили их замыслы и разрушали их планы. И, как результат работы всего УНКВД, на сегодняшний день в Новосибирской области мы таких активных проявлений не имеем». [53](#)

Для первых месяцев войны характерно усиление карательных мер со стороны органов госбезопасности по отношению к широким слоям советского общества. Если в первой половине 1941 г. в Новосибирский облсуд по одной ст. 58-10 УК РСФСР поступило 200 дел, то за вторую половину - 701 дело. [54](#) Жесточайшим наказаниям подвергались лица, заподозренные в малейшей нелояльности, а также нарушители трудовой дисциплины, те, кто не сдал радиоприёмники, «создавал запасы продовольствия» и торговал на рынках. Номенклатурные работники на местах, составлявшие привилегированную касту, целиком зависели от воли высшего областного начальства, которое постоянно отдавало под суд руководителей низшего и среднего звена, поддерживая в аппарате атмосферу страха и повышенной бдительности.

Методы работы НКВД не менялись. По сравнению с 1937 г. изменился лишь масштаб репрессий, который был значительно меньше, особенно в части приговоров к высшей мере наказания. Следствие, которое велось исключительно шантажом, методами психического и физического давления, опиралось на Особое совещание при НКВД СССР, покрывавшего самую топорную работу следователей. Жесточайший режим в тюрьмах приводил к гибели многих арестованных, которых в буквальном смысле морили голодом.

Тыловые органы НКВД-НКГБ, выполнявшие прежде всего роль политической полиции, по определению не могли быть надёжной контрразведкой. Маловыразительные усилия чекистов в поиске вражеской агентуры базировались прежде всего именно на «широте захвата», а не тонкости оперативных комбинаций. Ещё председатель Верховного трибунала при ВЦИК Н. В. Крыленко в 1920 г. на III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции сказал, что если ВЧК правой рукой уничтожает контрреволюцию, то левой - плодит ее, причём неизвестно, которая из рук действует лучше - «боюсь, что она левша». [55](#) Оценивая деятельность ГПУ-НКВД в предвоенный период, В. Н. Хаустов и В. П. Наумов в предисловии к сборнику документов Лубянки,

сохранившихся в архиве Сталина, подчёркнули, что работа карательного органа советского государства по обеспечению собственно госбезопасности «занимала в указанный период гораздо меньшую часть» в сравнении с чисто полицейскими функциями.

В военный период ситуация принципиально не изменилась - основной удар органов госбезопасности в тылу приходился по тем, кто подозревался в нелояльности. За годы войны только территориальные подразделения НКВД-НКГБ арестовали по стране за политические преступления 452.292 чел., а всего (считая тех, кого арестовала военная контрразведка «Смерш») в 1941 - 1945 гг. было отправлено за решётку 690.843 чел. Исключительной жестокостью отличались преследования военнослужащих: их за годы войны военными трибуналами было привлечено к уголовной ответственности 994.270 чел., в том числе 157.593 расстреляно, а порядка 400 тыс. - отправлены в штрафные подразделения. **56** Массовые репрессии чрезвычайно терроризировали и ослабляли воюющую страну и на фронте, и в тылу. Это позволяет охарактеризовать органы НКВД-НКГБ как фактически пятую колонну, которая, благодаря примату ведомственных интересов, действовала больше в пользу противника, нежели СССР.

Примечания

1 Бушуев В. М. Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск, 2000; Соловьёв А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М., 2002; Призвание - Родине служить! Новосибирск, 1997; Управлению Федеральной службы безопасности России по Алтайскому краю 80 лет. Барнаул, 1999; УФСБ России по Омской области 80 лет. Омск, 1999; Щит и меч Кузбасса. Кемерово, 2003; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928 - 1941. Новосибирск, 1997, с. 233-246; Греков Н. В. Новосибирский отдел контрразведки «Смерш» и его преемники (1943 - 1949 гг.) // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 1995, с. 39-43; Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936 - 1946 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. СПб., 1997, с. 240-293.

2 Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 260-261; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири... с. 236, 241.

3 Архив УФСБ по НСО, д. 8139, л. 235-283.

4 Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 280-281, 282, 286, 288; Советская Сибирь. Новосибирск, 1939, 21, 22, 24 февр.; Красное Знамя. Томск, 1988, 14 дек.; Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х - 1930-е годы). М., 1995, с. 218; Архив УФСБ по Томской обл., д. 4372, л. 51; ГАНО, ф. 1027, оп. 9, д. 76, л.

94; оп. 10, д. 13, л. 9; ф. п-4, оп. 34, д. 74, л. 4-6; **Архив УФСБ по НСО**, д. 8440, л. 181, 182, 201.

5 **Архив УФСБ по НСО**, д. 4880, т. 2, л. 288-290; **РГАНИ**, ф. 6, оп. 2, д. 1896, л. 141; **ГАНО**, ф. п-4, оп. 33, д. 935, л. 122.

6 **Архив УФСБ по НСО**, д. 12408, л. 193-196; **Папков С. А.** Сталинский террор в Сибири... с. 241.

7 **ЦДНИТО**, ф. 242, оп. 1, д. 1, л. 14, 28-30, д. 7, л. 2; **Архив УФСБ по НСО**, д. 4513, т. 2, л. 117, 119-130, д. 4514, т. 4, л. 138, 144-145.

8 **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 264-266; Боль людская. Книга Памяти репрессированных томичей. Т. 5. Томск, 1999, с. 176-178.

9 **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 265; **ГАНО**, ф. п-460, оп. 1, д. 17, л. 105-109.

10 **Архив УФСБ по НСО**, д. 2853, т. 1, л. 141, д. 4436, т. 2, л. 278-279, д. 17386, т. 7, л. 471; **ГАНО**, ф. п-460, оп. 1, д. 17, л. 104.

11 **Фойгт Л.** Сталинск в годы репрессий. Новокузнецк, 1995, с. 137-138; **Архив УФСБ по НСО**, д. 3898, л. 22.

12 **ГАНО**, ф. п-4, оп. 34, д. 102, л. 118; ф. п-1204, оп. 1, д. 31, л. 109; ф. п-58, оп. 1, д. 168, л. 60.

13 Там же, ф. п-4, оп. 33, д. 238б, л. 131-133.

14 Там же, оп. 34, д. 125, л. 77, д. 127; ф. п-1204, оп. 1, д. 31, л. 140-146, д. 31, л. 220 об.

15 **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 269.

С. 289

16 **Белковец Л. П.** «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири... с. 216-217. Ф. Н. Иванов был арестован в октябре 1955 г. и в апреле 1958 г. по ст. 58-7 УК осуждён на 10 лет заключения за участие в репрессиях.

17 **Папков С. А.** Сталинский террор в Сибири... с. 237; **РГАНИ**, ф. 6, оп. 2, д. 810, л. 2, д. 1450, л. 86; оп. 1, д. 297, л. 171, д. 692, л. 22; **Архив УФСБ по НСО**, д. 5931, л. 167-178; **ЦДНИТО**, ф. 607, оп. 1, д. 195, л. 6; **ГАНО**, ф. п-4, оп. 1, д. 28, л. 273; **ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960.** Москва, 2000, с. 507.

18 **Архив УФСБ по НСО**, д. 5687, т. 2, л. 70-73, д. 13068, т. 2, л. 114-115, 121; **РГАСПИ**, регбланк партбилета №10904279; **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 266.

19 **РГАНИ**, ф. 6, оп. 2, д. 643, л. 49, д. 730, л. 98, д. 784, л. 180; **ГАНО**, ф. п-4, оп. 33, д. 238а, л. 26, д. 503б, л. 182-185; ф. п-190, оп. 1, д. 35, л. 205; ф. п-460, оп. 1, д. 15, л. 30.

20 **ГАНО**, ф. п-1204, оп. 1, д. 29, л. 84-85.

- 21** Там же, ф. п-4, оп. 18, д. 2053 (л. д.); ф. п-1204, оп. 1, д. 32, л. 181.
- 22** Там же, ф. п-4, оп. 33, д. 690, л. 111 об.; ф. п-1204, оп. 1, д. 31, л. 204, 226, д. 32, л. 125, д. 36, л. 13; **Архив УФСБ по НСО**, д. 3975, л. 18, д. 12067, л. 2; **РГАСПИ**, регбланк партбилета № 03729054; **ГАКО**, ф. п-75, оп. 2, д. 28, л. 98-99.
- 23** **ГАНУ**, ф. п-1204, оп. 1, д. 29, л. 17; ф. п-460, оп. 1, д. 19, л. 22; д. 32, л. 16, 220.
- 24** **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 261; **ГАНУ**, ф. п-4, оп. 33, д. 204, л. 136 об.; ф. 1020, оп. 2, д. 1037, л. 209-210; **Петров Н. В., Скоркин К. В.** Кто руководил НКВД, 1934-1941: Справочник. М., 1999, с. 85, 120.
- 25** **ОСД УАДАК**, ф. р-2, д. 24514, л. 1-16; д. 11355, л. 30-37; **Архив УФСБ по НСО**, д. 4520, л. 1-2, 38.
- 26** **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 259-260.
- 27** **Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.** Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995, с. 40.
- 28** **Безопасность от А до Я.** Новосибирск, 2002, №4, с. 29; **Органы государственной безопасности СССР...** с. 39; **Архив УФСБ по НСО**, д. 19207, т. 2, л. 309-361.
- 29** **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 269, 291-292; **Архив УФСБ по НСО**, д. 379, л. 91-94.
- 30** **ГАНУ**, ф. п-4, оп. 34, д. 67, л. 267-272.
- 31** **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 268; **Щит и меч Кузбасса.** Кемерово, 2003, с. 143.
- 32** **Архив УФСБ по НСО**, д. 14841, д. 17254, т. 1, л. 12, 19, 23.
- 33** Там же, д. 17254, т. 1, л. 1, 103.
- 34** Там же, л. 69, 153-154, 169-170.
- 35** **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 265-266; **Архив УФСБ по НСО**, д. 17254, т. 2, л. 202-203 об.
- 36** **ГАНУ**, ф. п-1204, оп. 1, д. 32, л. 137.
- 37** **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 280.
- 38** **Архив УФСБ по НСО**, д. 20985, л. 1-3, 37, 63-65.
- 39** **Власть и интеллигенция в сибирской провинции.** Конец 1919 - 1925 гг. Сб. документов. Новосибирск, 1996, с. 342; **Архив УФСБ по НСО**, д. 7496, л. 2-4, 46-48, 166-182.
- 40** **Архив УФСБ по НСО**, д. 16458, л. 1, 12-19, 116-124.
- 41** Там же, д. 4340, т. 1, л. 1, 43, 54, 72, т. 2, л. 16-17, 44.
- 42** Там же, д. 19970, т. 5, л. 117, 149, т. 6, л. 51-78, т. 7, л. 104-120, 126.

43 Савин А. И. (сост.) Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920 - 1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2004, с. 369-371.

С. 290

44 Архив УФСБ по НСО, д. 12067, л. 70, 102, 123-124, 209, 210; **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 269.

45 Архив УФСБ по НСО, д. 4113, л. 14, 37, 52, 70.

46 Там же, д. 18835, т. 3, л. 154-156, 180, 208.

47 Там же, д. 1470, л. 1, 43-46, 54, 70-73, 78, 95.

48 Там же, д. 5541, л. 59-60, 76, 108 об. - 109.

49 Там же, д. 4155, л. 1, 122, 253-255, 263, 267; ГАНО, ф. п-4, оп. 33, д. 439, л. 61-77; **Тепляков А. Г.** Сталинская пуля для изготовителей снарядов. Неизвестные страницы истории «Сибсельмаша» // Новосибирские новости. 1997, №18, 5 мая, с. 6.

50 Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939 - 1945 гг. Вып. 4. Новосибирск, 1996, с. 163-165.

51 Архив УФСБ по НСО, д. 14067, л. 3, 32, 63, 82, 91, 179-184, 244, 248, 249.

52 Там же, д. 20883.

53 Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. Новосибирск, 2002, с. 24-25; **Тепляков А. Г.** Портреты сибирских чекистов // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. Новосибирск, 1997, с. 106; **Тепляков А. Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... с. 270, 273-274; ГАНО, ф. п-460, оп. 1, д. 33, л. 85, 97, д. 19, л. 11.

54 Папков С. А. «Контрреволюционная преступность» и особенности её подавления в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002, с. 207.

55 Цит. по: **Шекшеев А. П.** Органы ВЧК на территории Енисейской губернии // Вестник института саяно-алтайской тюркологии. Абакан, 2002. Вып. 6, с. 118; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 - декабрь 1936. М., 2003, с. 9.

56 Хаустов В. Н. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917 - 1953 гг. // Cahiers du Monde Russe 42/2-3-4 Avril-decembre 2001. Paris, 2002, с. 366; Новая и новейшая история. М., 1996, №2, с. 101; **Реабилитация:** как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 - начало 80-х годов. М., 2003, с. 668.

[Алексей Тепляков](#)

20.12.2009